

В Монреале две русские премьеры — «Иванов» Чехова на сцене «Compagnie Leon» и «На дне» Горького в театре «Le Nouveau Monde». Спектакли идут с аншлагом, критика единодушна: пьесы, написанные на переломе веков в России, задевают «болевы точки» современного Запада. Обе пьесы поставил 36-летний Ив Деганье, популярный актер и режиссер, за плечами которого 17 театральных постановок. После Шоу и Дюрренматта почему Чехов, почему Горький?

Продолжительные морозы, которые канадские телекомментаторы упорно называли «сибирскими», сменились оттепелью, что напомнило уже не «сибирские», а родные московские зимы. С переменчивой погоды и начался наш разговор с Ивом Деганье в фойе театра, одна из стен которого отведена под фотовыставку: Качалов, Москвин, Станиславский в роли Сатина...

Мое замечание о погоде вызвало у режиссера улыбку.

— И в Москве такое? В этом уже ответ на вопросы: почему Чехов, почему Горький? Я убежден, — продолжает Ив Деганье, — что климат не случайный фактор в формировании человеческой души. У нас, как и в России, долгая зима и короткое лето. Те же просторы, та же изоляция от внешнего мира, от

которой так долго страдала Россия. Та же тоска о чем-то несбыточном... Франкоязычные канадцы в Квебеке волей истории попали в обширный англоязычный мир. Подобно чеховским трем сестрам, повторявшим: «В Москву! В Москву!» — мы говорили: «В Париж! В Париж!» — который всегда считали культурной столицей мира. И эта неустроенность побуждает человека к интенсивному размышлению о себе.

— Поэтому возник интерес к русской драматургии?

— В Национальной театральной школе Канады, где я учился, а теперь преподаю, мы боготворили Чехова. Не «пройдя Чехова», нельзя стать настоящим актером. Я играл Астрова в «Дяде Ване», позже поставил пьесу французского драматурга Ноше «Чехов, Чехов» — о взаимоотношениях писателя с Ольгой Книппер... У Чехова действие часто происходит летом, на открытом воздухе: именно в это время люди спешат жить. Его герои романтичны, но они не в силах противостоять судьбе и мучаются теми же вопросами, что и мы сегодня.

— А Горький?

— Горький начинается там, где заканчивается Чехов. Духовные поиски его героев завершаются выбором социальной позиции. И я говорю себе: черт возьми, что же мы делали 100 лет, если на исходе века перед нами те же проблемы — безработица, бедность? Я не хотел ставить «На дне» в натура-

листически-фольклорном духе. Нужно ли одевать актеров в обноски, чтобы убедить зрителя, купившего билет в партер за 27 долларов, что речь в спектакле идет о бездомных? Горький устами Луки говорит о Боге. В Квебеке до 60-х годов 95 процентов населения посещало церковь, а ныне не более 15, в основном старшее поколение. Но люди продолжают искать истину. А горьковский Лука дает веру каждому, именно он главный герой пьесы. Я думаю, и Сатин свои слова о том, что человек — это звучит гордо, произносит под влиянием Луки. Не стоит валить все грехи на правительство, соседа или еще на кого-нибудь. Ты сам отвечаешь за свою жизнь...

В ближайших планах Ива Деганье — спектакль по «Братьям Карамазовым» Достоевского.

— Хотели бы вы приехать в Россию?

— Не приехать, а «вернуться»! Я живу с мыслью о России. Вам покажется это смешным, но я каждое утро слушаю московскую сводку погоды.

— Что бы вы пожелали читателям «Московских новостей»?

— Верить в самих себя. Не обольщаться чужими примерами: они не всегда и не во всем хороши. Я уверен, XXI век будет веком русских.